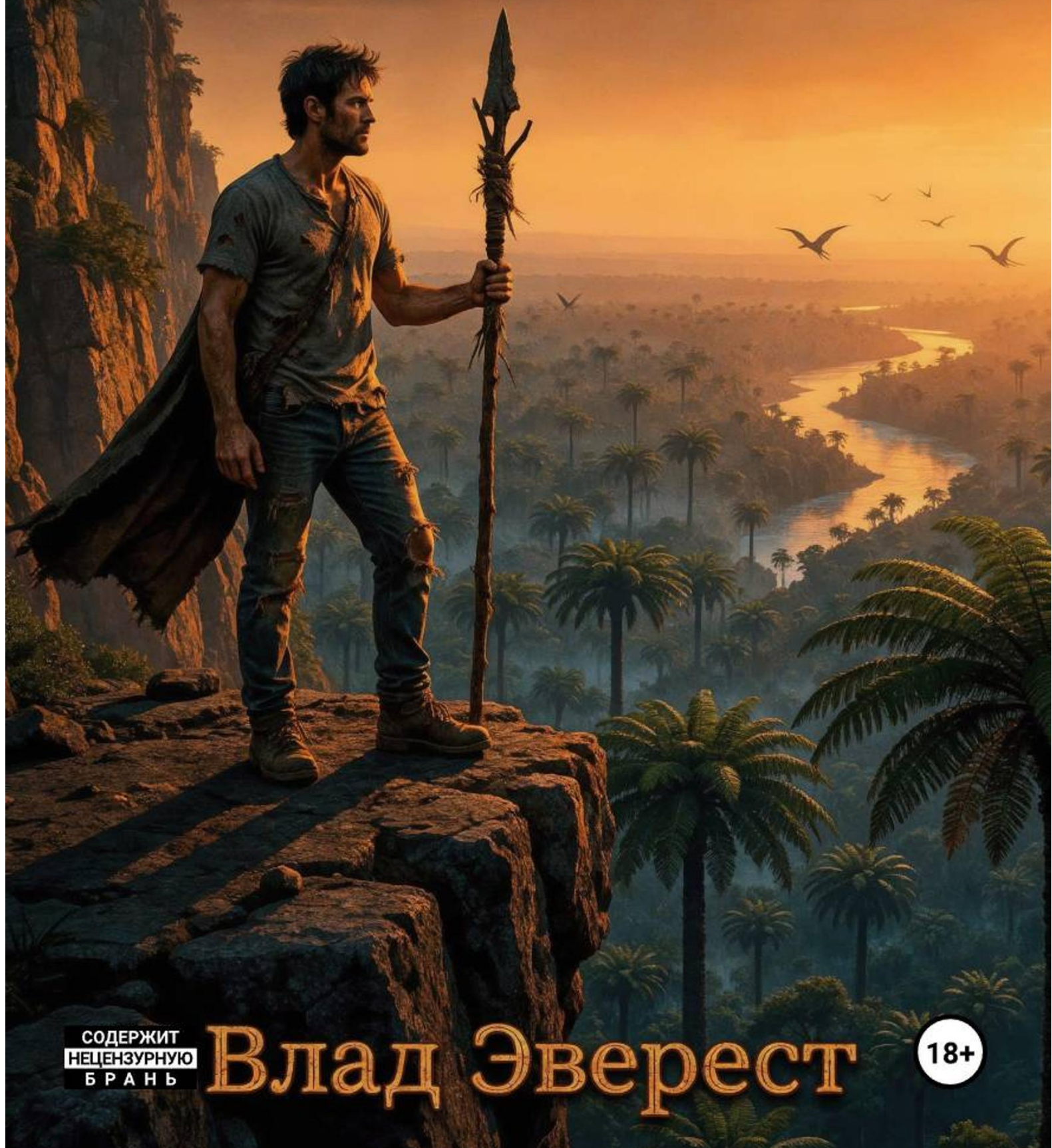

Эра ВЫЖИВАНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Влад Эверест

18+

Влад Эверест

Эра выживания

«Автор»

2026

Эверест В.

Эра выживания / В. Эверест — «Автор», 2026

Их было семь миллиардов. Они владели планетой. В один миг они стали горсткой беженцев во времени, заброшенных в самый жестокий период истории их собственного дома. Для бариста Алексея конец света наступил без шума и пыли. Теперь его мир — это гигантские папоротники, чужое небо и рев хищников, для которых человек — лишь легкая добыча. Выживет ли человечество, лишенное своих технологий? Смогут ли вчерашние офисные клерки, фермеры и студенты построить новый дом, или они обречены стать лишь ископаемыми в "неправильной эре"? Борьба за будущее началась в далеком прошлом.

© Эверест В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День, когда мир сломался.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Влад Эверест

Эра выживания

Глава 1. День, когда мир сломался.

Я всегда думал, что конец света будет громким. Что он ворвется в нашу жизнь с ревом апокалиптических труб, ослепит вспышками ядерных грибов, оглушит воем сирен. Нас десятилетиями готовили к зрелищному финалу, полному спецэффектов. Но наш конец света пришел тихо. В обычный вторник. Без предупреждения и без единого звука.

Меня зовут Алексей, и в ту долю секунды, что предшествовала катастрофе, я был абсолютно, до зевоты, обычным человеком. Тридцатилетний бариста в собственной маленькой кофейне «Зерно Истины». Не женат, детей нет, ипотеки тоже. Весь мой мир умещался в этих двадцати квадратных метрах, пропахших свежемолотым кофе, ванильным сиропом и легким, почти неощутимым запахом несбывшихся надежд.

Утро было до неприличия идеальным. Солнце заливало помещение, превращая пылинки в воздухе в крошечные танцующие бриллианты. За окном неспешно текла сонная жизнь спального района: мамочки толкали перед собой коляски, клерки в мятых рубашках бежали к метро, пенсионеры выгуливали крошечных, злобных собачек, похожих на взбесившиеся комки шерсти.

— Леш, ну ты скоро? — Вероника из соседнего цветочного магазина нетерпеливо барабанила пальцами по дубовой стойке.

— Шедевр требует времени, — с важным видом ответил я, выводя молочной пеной замысловатую загогулину на ее капучино. Сердечки были для новичков. Сегодня я чувствовал в себе силы на лебедя. Ну, или на что-то, отдаленно напоминающее очень упитанную утку.

Я протянул ей чашку. Она улыбнулась, и в этот самый момент это случилось.

Никакой вспышки. Никакого гула. Мир не взорвался. Он просто... моргнул.

Первым отозвалось тело. Ощущение было такое, будто невидимая рука выдернула из-под ног весь мир, а потом с силой вбила его обратно. Резкий, почти тошнотворный приступ дурноты, словно на самых жутких американских горках. В ушах зазвенело, а перед глазами все поплыло, цвета смешались в грязную палитру. Я инстинктивно вцепился в край стойки, чтобы не упасть, но пальцы прошли сквозь дерево, словно оно было сделано из дыма. На долю секунды я увидел свои кости, просвечивающие сквозь кожу, как на рентгеновском снимке.

А потом все прекратилось.

Звон в ушах стих, сменившись оглушительной, первозданной тишиной. Я потрянул головой, пытаясь избавиться от головокружения. Первое, что я осознал — запах. Привычный аромат кофе и выпечки исчез. Вместо него в легкие ударил густой, влажный, тяжелый воздух, пахнувший прелой листвой, сырой землей и чем-то еще... чем-то незнакомым, животным, тревожащим самые древние уголки подсознания.

Второе — звук. Исчез гул города: шум машин, гудение холодильника, фоновая музыка. Остался лишь шелест листьев, трели каких-то невероятных птиц и жужжание, похожее на стрекот гигантских насекомых.

И третье, самое страшное. Я поднял голову.

Кофейни больше не было.

Я стоял на мягкой, пружинящей земле, покрытой мхом. Вокруг меня и Вероники, застывшей с неестественно белым лицом, простирался... лес. Но это был не тот лес, что я видел в походах выходного дня. Это было что-то иное. Нечто первобытное. Гигантские, похожие на зеленые фонтаны папоротники, высотой в два человеческих роста. Стволы деревьев, толстые,

как колонны античного храма, уходили в небо, их кроны сплетались в плотный зеленый купол, едва пропускающий солнечный свет.

Все исчезло. Стойка, кофемашина, столики, стены, асфальт за окном. Исчезло все, кроме нас самих. Я был одет в свои рабочие джинсы, футболку и фартук. В одной руке я все еще сжимал холодный металл питчера для молока. Вероника стояла напротив, в легком летнем платье, и из ее разжавшихся пальцев на мох упала фарфоровая чашка, которую я протянул ей всего вечность назад.

В привычном мире звук ее падения утонул бы в гуле улицы и музыке из колонок. Но здесь, в этой первозданной тишине, где единственным аккомпанементом был шелест листвы и стрекот неведомых насекомых, звон разбивающегося фарфора прозвучал оглушительно, как выстрел. Резкий, неуместный, последний аккорд нашего прошлого. Осколки белого фаянса, рассыпавшиеся по изумрудному мху, выглядели как кости давно умершей цивилизации.

Я посмотрел на свои руки. Потом на Веронику. Ее глаза были огромными, темными провалами на смертельно бледном лице. Она смотрела не на меня. Она смотрела сквозь меня, на деревья, на гигантские листья, на неправдоподобно яркую бабочку с размахом крыльев не меньше моей ладони. Ее губы беззвучно шевелились.

— Где... где мы? — наконец выдавила она шепотом, который был громче любого крика в этом чужом, тихом мире.

Я открыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов. Что я мог ей сказать? Что мы, кажется, сошли с ума? Что это коллективная галлюцинация?

И тут земля под ногами содрогнулась. Легкая, но отчетливая вибрация, прошедшая по ступням и отдавшаяся где-то в груди. А следом из глубины этого чужого, невозможного леса донесся рев. Протяжный, низкий, утробный. Звук, от которого волосы на затылке встали дыбом, а в венах застыл первобытный, генетический ужас. Это был не рев медведя или тигра. Это был звук, принадлежавший миру, который, как я считал, умер шестьдесят пять миллионов лет назад.

Инстинкт, который дремал во мне все тридцать лет сытой и безопасной жизни, заорал громче любого рева: «БЕГИ!».

— Бежим! — выкрикнул я, сам не узнавая свой охрипший голос.

Я схватил Веронику за руку. Ее кожа была ледяной. Она стояла как вкопанная, в ступоре, глядя в ту сторону, откуда донесся звук.

— Вероника, пошевеливайся!

Новый, более близкий рев и треск ломаемых деревьев, казалось, вывели ее из оцепенения. В ее глазах блеснул ужас, но теперь это был ужас деятельный. Она кивнула, и мы рванули.

Куда? Подальше. В противоположную от рева сторону.

Бежать по этому лесу было сущим кошмаром. Ноги вязли во мху, спотыкались о скрытые под ним корни. Ветви гигантских папоротников хлестали по лицу, оставляя на коже горящие царапины. Воздух, густой и влажный, моментально забил легкие, я хрипел, задыхался, но продолжал бежать, таща за собой Веронику. Мой рабочий фартук цеплялся за все подряд, и я на бегу сорвал его, отбросив в сторону. Беспольный артефакт прошлого мира.

Пока мы неслись сломя голову сквозь этот зеленый ад, мой мозг, работающий в паническом режиме, лихорадочно пытался зацепиться за реальность. Я на автомате похлопал себя по карманам. Телефон! Может, он поможет? Компас? GPS? Хотя бы фонарик!

Я вытащил его на бегу, едва не выронив. Гладкий, холодный прямоугольник стекла и металла в моей руке был самым инородным предметом в этом мире. Я нажал на кнопку включения. Экран вспыхнул, показав мою дурацкую заставку — кадр из старого фильма. В левом верхнем углу горела надпись, ставшая приговором: «НЕТ СЕТИ». Конечно, нет сети. Какая, к черту, сеть на этом богом забытом лесу? Я смахнул экран, лихорадочно тыкая в иконку ком-

паса. Стрелка бешено завертелась, не в силах найти север. Магнитные полюса тоже переехали? Или телефон просто сошел с ума, как и его хозяин?

— Леша, сюда! — голос Вероники вырвал меня из ступора.

Она указывала на огромное, поваленное дерево, ствол которого был толщиной с мою старую «девятку». Под ним, среди переплетения могучих корней, чернел провал — что-то вроде неглубокой пещеры или норы, вымытой водой. Укрытие. Не идеальное, но лучшее, что у нас было.

Не сговариваясь, мы нырнули в эту спасительную темноту. Я затащил Веронику вглубь и сам вжался в сырую землю, стараясь не дышать. Изнутри наше убежище пахло влагой, грибами и чем-то звериным, но сейчас мне было плевать. Главное — мы были скрыты от глаз.

Снаружи продолжалась симфония разрушения. Треск, хруст, а потом — тяжелые, глухие удары, от которых земля под нами вздрагивала. Бум. Бум. Бум. Словно великан бил в гигантский барабан. Что-то огромное проходило совсем рядом с нашим укрытием. Я зажмурился, вжимаясь в стену норы, и молился всем богам, в которых никогда не верил. Я слышал, как рядом тихо всхлипывает Вероника, зажав рот ладонью.

Шаги удалялись. Рев стих. Постепенно воцарилась прежняя, наполненная жизнью тишина.

Прошла минута. Пять. Десять. Мы не шевелились.

Наконец я решился выглянуть. Осторожно, по миллиметру, я выполз из-под корней и огляделся. Никого. Только сломанные молодые деревца и гигантские, глубокие следы на влажной почве. Каждый след был размером с крышку канализационного люка.

Я медленно сполз по корню обратно на землю. Адреналин, гнавший меня вперед, отхлынул, оставив после себя звенящую пустоту и дрожь во всем теле. Ноги подкосились. Я сидел на земле, смотрел на свои руки, перепачканные грязью, на порванные джинсы. И тут меня накрыло.

Не страх. Страх был раньше, он был понятной, животной реакцией. Сейчас пришло Осознание. Холодное, парализующее, всеобъемлющее.

Все. Конец.

Моя квартира на седьмом этаже. Моя коллекция виниловых пластинок. Книга, которую я не дочитал. Мать, живущая в другом городе, которой я обещал позвонить в выходные. Все это исчезло. Не просто далеко — этого больше не существует. Или, наоборот, еще не существует. Какая разница?

Я достал из кармана кошелек. Раскрыл его. Банковские карты, водительские права с моей нелепой фотографией, несколько мятых купюр. Беспольный мусор. Я вытащил ключ от кофейни. Блестящий кусочек металла, который еще час назад был символом моей маленькой, но собственной мечты. Теперь им можно было разве что попытаться выковырять личинку из-под коры.

Я посмотрел на Веронику. Она сидела, обхватив колени руками, и раскачивалась взад-вперед, как в трансе. Ее взгляд был пуст. Истерика прошла, оставив после себя лишь апатию.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Не за свою жизнь. А от абсолютной, вселенской бессмысленности всего, что произошло. Мы — два вида хомо сапиенс, в модной одежде, с айфонами и кредитками, — заброшены на 65 миллионов лет в прошлое. Мы — самые нелепые, самые неприспособленные существа во всей истории этой планеты.

Я горько усмехнулся. И тут же зажал себе рот. Смех прозвучал как рыдание. В кармане завибрировал телефон. Я вздрогнул от неожиданности, выхватил его. На экране горело уведомление: «Батарея разряжена. Осталось 15%».

И этот маленький, умирающий огонек цивилизации в моих руках показался мне самой жестокой насмешкой из всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.